

**ГЕНОЦИД БЕЛОРУССКОГО НАРОДА.
МАЛОЛЕТНИЕ УГНАННЫЕ ИЗ Д. КОПЦЕВИЧИ
ЛУЧИЦКОГО СЕЛЬСОВЕТА ПЕТРИКОВСКОГО РАЙОНА
ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ**

С. М. ВАСИЛЬЕВ, Т. А. ВАСИЛЬЕВА

Учреждение образование

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

В 1944 году командование немецкой группы армий «Центр» планировало захватить 40–50 тысяч белорусских подростков от 10 до 14 лет и доставить их в Германию для работы на авиазаводах «Юнкерс» и других предприятиях.

12 мая 1944 года в д. Копцевичи Лучицкого сельсовета прибыли немецкие жандармы, согнали 150 человек детей и молодежи для отправки в Германию [1].

В нашем семейном архиве сохранилась запись воспоминаний от 23 июня 2012 года Шутовой Ольги Семеновны (девичья фамилия Бельская), свидетельницы тех страшных событий периода Великой Отчественной войны.

Справочно: родилась 22 марта 1932 года в д. Копцевичи Лучицкого сельсовета Петриковского района Гомельской области (ранее Копаткевичский район Полесской области), образование высшее – окончила Мозырский педагогический институт, работала учителем, имеет двух сыновей и трех внуков, ныне проживает в г. Саров Российской Федерации.

Список угнанных Лучицкого сельсовета: № 58 Бельская Ольга Семеновна – 1932 г. р., пол – женский, национальность – белорусская, д. Копцевичи (2, л. 137 об.)

«Немцы согнали детей на лужайку в конце деревни [Копцевичи], вокруг лужайки стояли машины. Дети также были и из близлежащих деревень. Немцы ходили и выбирали детей, самых маленьких оставляли. Мне, самой старшей из нашей семьи, было 11 лет, сестре Марии 9, а брату Ивану 7. Младших сестричек 1939 и 1941 года рождения оставили с мамой.

Детей немцы побросали в машины на солому, увезли в д. Новосёлки за 18 километров – это был пункт сбора и отправки на станцию на железной дороге Москва – Гомель – Брест. От Новосёлок к этой железной дороге была проложена узкоколейка, по ней немцы также вывозили лес. В Новоселках детей загнали в место, загороженное колючей проволокой. Всех осматривали и стригли, было много больных чесоткой, со вшами. Ночью брата Ивана спас наш дед Бельский Иван Харланович, пришел из Копцевич в Новоселки за 18 километров, ему удалось вытащить Ивана под колючей проволокой, посадил его в мешок и скорее в лес.

На другой день детей разделили по росту, самых маленьких отправили в Бобруйск, там у них брали кровь для немецких офицеров, госпиталь кото-

рых там располагался. Сестру Марию забрали туда. Так как анализ крови ее оказался очень плохой (до этого она тяжело переболела тифом), то её просто выкинули оттуда на улицу. Марии приходилось бродяжничать и попрошайничать, чтобы как-то выжить. Домой ей помогли вернуться советские солдаты, когда освобождали Бобруйск.

Нас, детей постарше, немцы повезли на железную дорогу, погрузили в вагоны для перевозки скота, они были без окон, крытые, на полу солома. По пути партизаны пытались этот состав отбить, завязался бой, дети из вагонов выбежали в лес. Партизанам не удалось выиграть бой. Нам немцы сказали возвращаться в вагоны, не то расстреляют.

Приехали в Брест, потом в Варшаву, далее привезли в Дрезден. В Дрездене долго не держали, оттуда по несколько сотен человек распределяли в разные города. Нас из деревни Копцевичи и детей из близлежащих деревень Лучицы и Заречка (около 60 мальчиков и 40 девочек) отправили в Ленгелфельд. Сначала жили за огромной колючей проволокой, часто плакали. Держали нас там, пока не вылечили от чесотки и вшей. Видели, как немцы под конвоем водили пленных советских солдат на работы – там в горе располагался авиационный завод Юнкерс, на котором производили самолеты и моторы.

Потом определили на работы, мальчики работали на этом заводе на станках, некоторых девочек тоже на завод определили, других на полевые работы и в прислугу. Нас, девочек, отправили жить вместе со взрослыми, которые также были угнаны на работы. В здании стояли 3- и 4-этажные кровати. Простыни, одеяла, подушки – всё было черного цвета. Работали в 4 смены, спали по очереди. Была чистота, немцы очень боялись заразиться. В доме топились три котла, топили дровами, была горячая вода, чтобы помыться и постирать вещи. Стирали сами. Комендант этого дома была немка, муж которой был эсэсовец.

Меня и ещё трёх девочек взяли на работы на кухню. Отбирали так: дали почистить картошку, кто тоньше и с меньшими отходами почистил, того и взяли. Кухня была для приготовления пищи рабочим этого авиационного завода. На кухне мы делали всё, что говорила повар – старая высокая седая немка фрау Игеволь. Девочки украинки, которые также там работали, немного знали немецкий и нам переводили, что она говорит. Иногда давала нам съесть морковку, когда мы чистили овощи. Одна украинская девочка была очень больна, над ней сильно поиздевались немцы.

На кухне для рабочих завода мы готовили похлебку из овощей: брюква, шпинат, кольраби, цветная капуста, морковь – когда из чего. Мы таких овощей до этого не знали, в деревне у нас была капуста и морковь. Иногда готовили болтушку – затирку из муки и немного картошки. Приезжал возница и в бидонах отвозил это на завод.

Подъем у нас был в 4 утра, умывались и быстро шли на кухню. С собой брали кастрюльки – литровые банки с дужками из проволоки, нам туда наливали похлебку, из них мы сёрбали, позже выдали ложки. Зимой ходили в обуви, подошва которой была деревянной, а верх из ткани типа льна. Летом деревянная обувь была без пяток, с ремешком. Одевались в то, что было на нас еще из дома. Один раз давал одежду Красный Крест. Мы часто плакали, старшие девочки из Украины нас успокаивали, говорили, что скоро наши придут и освободят.

Один раз фрау Игеволь пришла со своей дочерью и зятем, который приехал на побывку с фронта с территории СССР. Они были с фотоаппаратом. Нам, четверым девочкам, выдали красивую одежду, украсили волосы цветами, усадили на стулья в саду. Сделали постановочные фото, чтобы мы потом отправили их на родину и показали, как мы якобы хорошо живём в Германии. Потом выдали нам по карточке (рисунок 1).

Рисунок 1 – Постановочное фото

В один день утром никто нас не поднял, проснулись от того, что выпались. Не было ни комендантши, никого. Комендантша с семьей удрала. Стали спрашивать у старших, что делать. Сказали, что скоро придут наши. Есть было нечего, бегали в поле искать ягоды, так прошло несколько дней. Девочки на здание повесили белый флаг, так как мы видели, что бомбили город, надеялись, что увидят флаг и не будут бомбить здание. Еду искали по городу группами. Через несколько дней пришли советские и американские войска. Они организовывали отправку нас домой. В сборном пункте объяснили, что нас отправят на родину и нужно ждать очереди. Первыми отправляли солдат, которые воевали, потом гражданских. Мы ждали. Составляли списки, откуда угнаны, и формировали поезда для отправки на родину. Советские солдаты давали нам хлеб.

Нас отправили с людьми из Западной Украины. Мы приехали во Львов в вагонах-телятниках без крыш, на соломе, но были рады, что едем домой! Было лето, тепло. Солдаты приносили нам хлеб и воду.

Во Львове нас определили в школу-интернат. Разделили по областям и отправили в Харьков, там также нас поместили в интернат. Если родителей нет, то отправляли в детдом. Мальчик из нашей деревни, Шурпач Елисей, написал отцу Степану Павловичу и перечислил всех детей из деревень Копцевичи и Лучицы. Родители и сельсовет собрали деньги и отправили Шурпача С. П. в Харьков. Там нас определили в плацкартные вагоны, привезли в Гомель. В Гомеле только вокзал и работал, всё было разбомблено. Оттуда нас привезли на станцию Птичь в поезде, который шел на Брест. На станции

вышли поздней ночью. До нашей деревни оставалось 30 километров. Шли всю ночь, по песчаной дороге было очень трудно идти, ноги вязли в песке. Хотелось скорее домой, плакали, но шли. Шурпач Степан понимал, что если дети сядут на дороге отдохнуть, то заснут, чтобы нас подбодрить, он рассказывал, как нас ждут дома. Очень хотелось пить. В конце деревни Великое Поле сделали отдых, подошли к реке Птичь, жадно пили с ладошек. Вода дала силы, после реки мы оживились. Оставалось 3 километра. Только девочка Маргарита, которая работала со мной на кухне, уже не могла идти совсем, у неё очень болели почки. Шурпач Степан нес её на руках.

Рано утром мы прибыли домой. Это было примерно начало августа [1945 г.], мама накопила немного картошки, мы сварили её, так отпраздновали моё возвращение.

После войны училась, за время войны пропустила 2 года. За год неграмотные дети проходили два класса: до 1 – января 1-й класс (изучали букварь), с 1 января – 2-й класс».

Расследование уголовного дела по факту геноцида белорусского народа продолжается органами прокуратуры Гомельской области. Допрашиваются участники уголовного процесса, в том числе бывшие несовершеннолетние узники мест принудительного содержания, их родственники и иные свидетели, располагающие значимыми сведениями по уголовному делу. Запись с воспоминаниями Бельской О. С. также поможет сохранить память и донести до следующих поколений факты о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1 Акты Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Копаткевичского района Полесской области БССР от 30 января 1945 г. // НАРБ. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 190. Л. 133–133 об., 137 об.

УДК 261.2 “19/20”

НЕОЯЗЫЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ФИЛОСОФСКОМ ЭССЕ И. АБДИРАЛОВИЧА «ИЗВЕЧНЫМ ПУТЕМ»

И. А. ГРИЩЕНКО

Учреждение образования

«Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого»

В 1990-е годы в Беларуси большой популярностью пользовалось философское эссе Игната Абдираловича «Извечным путем». После развала СССР все бывшие советские республики стояли на распутье, решая, какой вектор развития выбрать. Беларусь не была исключением. Тема историче-